

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.14>

Химич Галина Александровна

ЗНАЧЕНИЕ И СТРУКТУРА ОБРАЗА БИБЛЕЙСКОГО ЦАРЯ И ПСАЛМОПЕВЦА ДАВИДА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVII В.

Царь и псалмопевец Давид - один из наиболее значимых для отечественной стихотворной культуры библейских персонажей. Поэты апеллируют к нему как к учителю и наставнику в поэтическом мастерстве. В статье обосновывается необходимость обращения к образу псалмопевца при изучении русской поэзии, впервые делается попытка подробного его описания, анализируются его присутствие и характеристики в различных видах устного и письменного поэтического творчества XVII века. Исследование позволяет сделать вывод о том, что традиция особого отношения в русской поэзии к поэту явилась продолжением библейской традиции псалмопевца-пророка, живым воплощением которой стал любимый на Руси праведник Давид.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/11/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 65-70. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

MEANINGFUL CONTENT OF THE CONCEPT *COCOON*
IN V. V. NABOKOV'S STORIES "BENEFICENCE" AND "CHRISTMAS"

Forsikova Yuliya Timofeevna

Stavropol Regional Clinical Specialized Psychiatric Hospital № 1
forsikova@gmail.com

Pogrebnaya Yana Vsevolodovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Stavropol State Pedagogical Institute
maknab@bk.ru

The article analyses the meaningful content of the concept *COCOON* represented in V. V. Nabokov's stories "Christmas" and "Beneficence" by a semantic row of homogeneous objects: box, coffin, cocoon of a butterfly, furniture covers, matchbox, clay bar wrapped in cloth, chestnuts. The research focuses on studying the meaningful content of the analysed concept. The objective is to trace how the meaning of cocoon related images is realized in the context of the cycle "The Return of Chorb", in particular, to reveal the nature of thematic relation between the two stories and between the text and intertext of one of the stories. It is shown that figurative and thematic integrity of the stories is achieved by variations of the cocoon motive.

Key words and phrases: motive; objective world; concept *COCOON*; semantic core; V. V. Nabokov.

УДК 8; 821.134.2

Дата поступления рукописи: 29.09.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.14>

Царь и псалмопевец Давид – один из наиболее значимых для отечественной стихотворной культуры библейских персонажей. Поэты апеллируют к нему как к учителю и наставнику в поэтическом мастерстве. В статье обосновывается необходимость обращения к образу псалмопевца при изучении русской поэзии, впервые делается попытка подробного его описания, анализируются его присутствие и характеристики в различных видах устного и письменного поэтического творчества XVII века. Исследование позволяет сделать вывод о том, что традиция особого отношения в русской поэзии к поэту явилась продолжением библейской традиции псалмопевца-пророка, живым воплощением которой стал любимый на Руси праведник Давид.

Ключевые слова и фразы: русская литература XVII века; поэтические переложения псалмов; влияние Библии на русскую литературу; Симеон Полоцкий; образ псалмопевца Давида.

Химич Галина Александровна, к. филол. н., доцент
Российский университет дружбы народов, г. Москва
khimich-ga@rudn.ru

**ЗНАЧЕНИЕ И СТРУКТУРА ОБРАЗА БИБЛЕЙСКОГО ЦАРЯ И ПСАЛМОПЕВЦА ДАВИДА
В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVII В.**

Израильско-иудейский царь и псалмопевец Давид – один из наиболее популярных в русской поэзии библейских героев. Обращения к этому образу мы будем наблюдать на протяжении четырех веков развития отечественного стихосложения.

Среди основных причин подобного выбора русских поэтов можно назвать следующие: огромная популярность в России Псалтири, которая, хотя и не была полностью написана царем Давидом, но всегда связывалась с его именем и авторитетом; принадлежность Давида к рангу поэтов (псалмопевцев); пестрота сюжетов и событий из библейского жизнеописания царя Давида; популярность данного образа в древнерусской литературе.

Более детальный анализ роли образа мог бы открыть новые горизонты смыслов в отечественном поэтическом творчестве. Но несмотря на это, подробно ознакомившись с материалами как по теории поэтического искусства, так и по непосредственному анализу текстов, мы не нашли ни одного специального исследования, посвященного данной проблеме, хотя значимость образа Давида и отождествление Псалмопевца и Поэта в русской духовной поэзии подчеркиваются многими исследователями.

Актуальность темы определяется существованием огромного пробела в изучении влияния Священного Писания на всю русскую литературу, начиная с ее истоков, и настойчивой необходимостью заняться изучением скрытых и явных параллелей памятников русской литературы с Библейскими текстами, которые помогут открыть новые горизонты смыслов в давно знакомых произведениях.

В данной статье мы обратимся к XVII веку – к самому зарождению русской стихотворной традиции.

Т.о., определяется предмет исследования: структура и роль образа псалмопевца Давида в отечественном стихотворстве XVII века.

Целью нашего исследования стало изучение значения и структуры образа библейского царя и псалмопевца Давида в русской поэзии XVII в.

Задачи работы:

1. Обосновать необходимость обращения к образу псалмопевца Давида при изучении русской поэзии.
2. Дать подробную характеристику структуры образа Псалмопевца в русской поэзии XVII в.

Метод исследования, применяемый в практической части данной работы, – это историко-сравнительный анализ поэтических текстов XVII в., посвященных жизни царя Давида.

Методологической основой стали теоретические работы, посвященные изучению поэзии, Ю. М. Лотмана, Б. Н. Романова, А. М. Панченко и других ученых; публикации Т. А. Воронцовой, М. Н. Громова, Ш. Маркиша, изучающих культурно-историческое значение Псалтири; а также комментарии и размышления над текстами псалмов А. П. Лопухина, А. Меня, К. С. Льюиса и др. авторов.

Научная новизна. В данной работе впервые осуществляется подробный анализ образа Давида в поэтических текстах обозначенного исторического периода и определяется роль этого библейского образа в русской духовной поэзии.

Поэзия – одна из древнейших и наиболее загадочных форм выражения мысли, неразрывно связанная с музыкой, ритмом, мистерией. Поэтические тексты чаще других встречаем мы в ритуальных богослужениях, нередко вместе с пением и танцем. Понимание как самого термина «поэзия», так и ее предназначения изменяется в разные эпохи. Так, изначально поэзия, неразрывно связанная с музыкой и танцем, была частью сакрального ритуала восхваления богов или покровителей. С годами поэзия отделилась сначала от танца, затем от музыки, приобрела самостоятельную форму и оставила нам несметное число своих шедевров – примеров выразительности, экспрессивности и информативности текста.

Обращаясь к рассмотрению русской поэзии XVII века, мы следуем теории А. М. Панченко, разграничившего в культуре Руси духовную сферу и сферу «скоморошества» и «глумства» [8, с. 5], разделив, таким образом, всю русскую поэзию на «духовную» и «светскую». На Руси, как отмечает исследователь [Там же, с. 17], долгое время поэзия оставалась вне письменности. Мы придерживаемся точки зрения Ю. М. Лотмана, по мнению которого все предшествующие литературе художественные тексты: русский фольклор и древнерусская литература – ближе к поэзии, чем к прозе [6, с. 35-39]. К началу XVII в. можно говорить о существовании поэзии в различных формах:

- в форме духовных стихов;
- в форме молитвы (К. Таранковский выдвинул гипотезу о существовании особого молитвенного стиха, восходящего к византийскому, а, в конечном счете, к библейскому стиху, система ритмических сигналов которого перенесена с привычного для нас конца строки на ее начало) [8, с. 15];
- в стихотворениях отдельных представителей разных школ (например, Германа, Василия, иеродиакона Герасима Парфеновича – представителей новоиерусалимской стихотворной школы переложения псалмов, представителей никоновской школы переложения псалмов [10], а также Сельвестра Медведева, Каритона Истомина, Дмитрия Ростовского, Тихона Макарьевского, Стефана Яворского и многих других).

Все вышеуказанные примеры можно отнести к духовной поэзии.

«Доставлять чистый воздух горнего мира человеку дано молитве. И молитва поручает поэзии быть ее помощницей» [5, с. 525]. Как отмечает А. М. Панченко, подобную концепцию писательского труда принес в Россию именно Симеон Полоцкий. «Эта концепция имела целью доказать, что писательский труд может рассматриваться как личный нравственный подвиг, как камень, полагаемый в здание грядущего совершенства общества. Сущность операции, которая должна была внушить русским традиционалистам идею, что поэзия благословенна свыше, состоит в отождествлении Слова Божия и Слова как первоэлемента словесности» [8, с. 177].

Роль Псалтири в становлении и развитии русской культуры и поэзии

«Изгнание из рая, потоп и вавилонское столпотворение, царь Саул и псалмопевец Давид, пророк Моисей и мудрец Екклесиаста – библейские сюжеты и герои живут в нашей памяти издревле, с Крещения Руси...» [11, с. 5]. Вплоть до XIX века каждому образованному русскому человеку были хорошо известны все библейские сюжеты. Более того, миропонимание христианина зиждилось на событиях Священного Писания, которые воспринимались как часть Всемирной истории.

Как известно, самой распространенной и самой любимой книгой на Руси была Псалтирь. Наряду с Евангелием и Деяниями Апостолов, она была необходима в каждом храме и в каждом доме. Она бесчисленно переписывалась, потом переиздавалась, украшалась рисунками, толковалась и перелагалась. Многие поколения учились читать по Псалтири. «Изучивший Псалтирь считался человеком грамотным – книжным, т.е. способным читать всякие книги. Научившись читать по Псалтири, русский человек обычно не расставался с ней. Псалтирь была не только настольной книгой, которую читали дома в свободное от занятий время, но она сопровождала даже в путешествиях» [17, с. 416]. По Псалтири гадали, не глядя раскрывая ее и пальцами указывая строчку. Так, во «Введении» к «Собранию сочинений» В. Иванова О. Дешарт пишет, что в Новолетие 1872 года Александра Дмитриевна Иванова, мать поэта, велела пятилетнему Вячеславу, согласно семейному обычаю, погадать по Псалтири. Вышли слова: «Я был младшим в доме отца моего, пальцы мои настроили Псалтирь» (Пс. 151). «Так оно и есть. Так буди! – сказала мать обрадованная. Станешь поэтом» [3, с. 7]. Псалмы читали над больными, страдавшими тяжелыми продолжительными заболеваниями, над теми, кто считался находившимися под влиянием нечистых духов, над умершими в течение сорока дней после смерти.

Естественно, будучи столь популярной и любимой, Псалтирь отзывалась в письменности древней Руси: в летописи Нестора, в сочинениях Феодосия Печерского, митрополита Иллариона, в поучениях Владимира Мономаха, в произведениях агиографического жанра – почти в каждом памятнике мы можем найти явные или скрытые цитаты из Псалтири [17, с. 52-59]. Влияние псалмов прослеживается и в народной словесности, особенно в притчах и пословицах. «Между пословицами очень много таких, которые суть ни что иное, как отдельные изречения, заимствованные из разных псалмов и несколько изменившиеся от употребления, таковы, например, пословицы: “гневайся да не согрешай” (Пс. 4:5), “истина от земли, а правда с небеси” (Пс. 84:12), “коли не Господь соизждет дом, то всуе труд” (Пс. 126:1)» [Там же, с. 417].

Ввиду такой популярности Псалтири на Руси вполне логичным представляется нам обращение поэтов к библейскому образу царя, чье имя связывается с созданием поэтического текста Священного Писания – к царю и псалмопевцу Давиду.

Значение образа царя Давида для культурно-исторического развития Древней Руси

Прежде чем обратиться к рассмотрению функции и структуры образа ветхозаветного царя Давида в русской поэзии, попробуем проследить, какое значение имел данный образ для культурно-исторического развития Древней Руси. Многие исследователи отмечают [2], что во всех христианских странах образ царя Давида и его Книга псалмов оказали многообразное воздействие на развитие искусства: барельефы, витражи средневековых соборов, статуи Донателло и Микеланджело, картины Рембрандта, фрески Рафаэля, музыкальные сочинения Моцарта, Бизе, Шумана, Брамса, Листа и др. «Вдохновенный, порывистый, полный многообразных красок, интонаций голос Давида, обращенный к Богу, заражал своей верой и взыскующим порывом, своей болью и гневом, своим благодарным восхищением» [12, с. 7].

Как известно, в Библии достаточно подробно рассказывается о жизни Давида. Среди основных источников его «жизнеописания» можно назвать следующие:

1. Конец 1, 2 и начало 3 Книги Царств (1 Цар. 16:1 – 31:13; 2 Цар. 1:1 – 24:25; 3 Цар. 1:1 – 2:12).
2. Вторая половина 1 Книги Паралипоменон (Пар. 11 – 29).
3. Псалтирь (Пс. 3, 5, 6, 7, 32, 38, 39, 41, 51, 61, 69, 70, 86, 143).
4. Книга Руфи (Руф. 4:18 – 22).
5. Евангелие от Матфея (Мф. 1:1, 6, 17).

Книги Царств и Паралипоменон не представляют собой схожего по содержанию пересказа одних и тех же событий. Книги Царств отличаются большей хронологичностью и насыщенностью событиями. Помимо покорности и доверия Богу, смирения и других ветхозаветных добродетелей, здесь воспеваются сила, смелость и мудрость Давида. Давид здесь представлен как воин, полководец и победитель. I Книга Паралипоменон написана левитом, и поэтому автор «с особенной любовью останавливается на царствовании благочестивых царей – Давида, Соломона... и отмечает принимаемые ими меры к поднятию истинного богопочитания; равным образом и из дел других царей описывает по преимуществу те, которые имели отношение к религии» [15, с. 7]. Конечно, и сама столь яркая судьба Давида, и многократность ее описания в Библии, и неканонические хождения истории Давида – все это определило различия в восприятии образа Псалмопевца для каждого конкретного художника. В одном произведении он предстает пред нами как певец, восхваляющий Бога и глубоко верный и послушный ему, в другом – как непокорный, обремененный грехом любовник Вирсавии, в третьем – как беспощадный и отважный воин-победитель.

Как отмечает М. Н. Громов, исследовавший влияние образа Давида на древнерусскую живопись, архитектуру и зодчество, образ Псалмопевца оказал «большое и многообразное воздействие... и на развитие русского искусства» [2, с. 24]. Кроме того, текст Псалтири, а значит и описание эпизодов из жизни Давида, вошли в церковное певческое искусство: в акафисты, антифоны, икосы, ирмосы, каноны, кондаки и другие церковные песнопения [7, с. 448].

«Входя в храм, – пишет М. Н. Громов, – русский человек проникался через культуру, живопись, произведения культового искусства, поизносившиеся или певшиеся богослужебные тексты возвышенными образами христианских вероучений... И среди этих образов одно из видных мест принадлежало псалмам, их легендарному творцу, царю и пророку Давиду» [2, с. 29].

Таким образом, источником знания и постоянного напоминания о царе и псалмопевце Давиде для русского человека XVII в. могли служить:

1. Церковь с ее архитектурой, иконами, фресками, а также богослужебными текстами и песнопениями.
2. Библейские тексты, содержащие жизнеописание Давида, и, конечно, Псалтирь.
3. Народные неканонические сказания о царе Давиде, весьма распространённые на Руси.
4. Западная литература, живопись и музыка.
5. Русские народные обычаи, связанные с Псалтирью.

Каждый из этих источников активизируется в большей или меньшей степени в разные эпохи и среди разных слоев населения [16, с. 52-58].

Значение и структура образа библейского царя и псалмопевца Давида в русской поэзии XVII в.

В XVII в. мы можем заметить постоянное обращение к фигуре библейского царя Давида в духовных стихах, получивших особенно широкое распространение через «калик переходных», странников, «родню Божию» [9, с. 122-123], как они сами себя называли, распевавших их около церковных оград; а также через певцов-мистиков великорусских сект. Этот жанр русского фольклора, возникший после принятия христианства

на Руси, хоть и бытовал вне книжности, вне литературы, имел огромное влияние на русского человека, волевым образом слышавшего и воспринимавшего псалмы и канты. Лучшему их восприятию способствовала тематика духовных песен, взятая обычно из канонических христианских книг, чаще всего из Библии, агиографических памятников, богослужебных песнопений. Канонические сюжеты украшались народной фантазией, сплетались с апокрифами, становясь похожими на волшебные истории. Так происходило «омирщение» Священного Писания, приближение ветхо- и новозаветной истории к каждому человеку, привнесение в нее русских реалий и, конечно, искажение истинно христианского взгляда на Священную Историю. Конечно, мы не можем утверждать, что духовные стихи имели прямое влияние на дальнейшее развитие русской поэзии, так как поэтами становились люди образованные, черпающие знания о Священной истории из Библии, а не из полуфольклорных поверий, но мы также не можем и отрицать влияния духовных стихов на русскую поэзию. Это влияние выразилось в расстановке акцентов, выборе изблюбленных для русского народа персонажей с сюжетов. Будучи уже расставлены и сформированы в духовных стихах к XVII веку, они мало изменяются и в книжной поэзии второй половины XVII в. и в XX в.

Жизнеописание Давида, наряду с сюжетом о грехопадении Адама и о сорокалетнем скитании Моисея с Израилем по пустыне в поисках земли обетованной, уже в духовных стихах становится изблюбленным библейским сюжетом. В «Голубиной книге», самой популярной на Руси канте, входящей в цикл преданий о небесных книгах, известных под названием «Свиток Иерусалимский» (встречаются также и другие названия этого цикла, например, «Лист Иерусалимский» и «Сказание о свитке»), «хитроумный царь Давид Ессеевич» становится воплощением библейской мудрости. Именно он растолковывает славянскому народу, патриархам, царям, мудрецам, в том числе и ветхозаветным (Исайе), апостолам (Иоанну Богослову), а по некоторым спискам даже самому Иисусу Христу, содержание упавшей с неба книги. Интересен сам факт наделения Давида необычайной мудростью, не свойственной ему согласно тексту Библии. Было бы логичнее, если бы на месте Давида в «Голубиной книге» оказался его сын Соломон, не менее популярный в русских неканонических преданиях. Данный факт может быть объяснен, по нашему мнению, исключительно особой любовью к Давиду.

Проанализировав духовные стихи, в которых появляется образ Давида, мы смогли выделить ряд наиболее часто встречаемых эпизодов из его жизни:

1. Давид – помазанный пророком Самуилом царь.
2. Давид – «на страсть всем врагам» воин, «непобедимый вовек» [Там же, с. 122-123].
3. Давид победил Голиафа.
4. Давид – псалмопевец.
5. Давид перенес столицу в Иерусалим.
6. Давида встречают ликованиями: «Саул тышу победил, Давид тьму покорил» (1 Цар. 18:6-7).

Характерно, что, как мы уже отмечали, Давид в духовных стихах становится близким русскому человеку, чуть ли не русским национальным героем. Так, например, в псалме «О царе Давиде и об его дочери Олене» [4, с. 61-62] у Давида помимо царя Соломона появляется еще и дочка Олена, которых отец и мать хотят поженить. Несомненно, данную канту можно квалифицировать как национальную попытку интерпретации сюжета о бесчестии Амноном, сыном Давида, сестры Авессалома, Фамари (2 Цар. 13).

В канте «Уж как царь Давид по садику гулял» [9, с. 505-506] описание псалмопевца Давида плавно переходит в рассказ о сотворении мира (причем показательна здесь даже сама последовательность изложения), а заканчивается произведение, по фольклорным канонам, похвалой пива в доме приютившего певца хозяина. Здесь мы не можем не отметить столь вольное обращение с сюжетами и героями Священного Писания, свойственное традиции устного народного творчества.

Подобное обращение со Священным Писанием находим и в духовных песнях Никоновской школы песенной поэзии. Хотя монахи-книжники и называли свои произведения переложениями псалмов, на самом деле они были слишком далеки от оригинала. Духовные песни были построены так, что первая часть их оказывалась далеким переложением какого-либо псалма, а вторая – изложением некоторых молитвенных высказываний с упоминанием догматов христианства, которые в ветхозаветных псалмах Давида встречаться не могли: Троицы, Христа, сошествия Его на землю и др. Подобное построение духовных песен даже в монашеской среде свидетельствует о свободном отношении к Священному Писанию и Приданию, характерном для XVII в.

В силлабическом стихотворстве XVII в. мы также встречаем обращение к образу царя Давида. В «Декларации московскому посольству» Тимофея Акундинова, одного из лжецаревичей, поданной им в 1646 г. в Царьграде, автор изображает себя Давидом, готовым сражаться с Голиафом, дабы защищать свой народ от угнетения. Декларация состоит из пяти виршей по числу камней, приготовленных Давидом на бой с Голиафом:

«Пять камней Давид имел в пастуше тоболе,
Коли, не стерпев от неприятель сердечнов боле,
Шол смело против страшного Галиада
Израильтянского верне бороняти стада.

<...>

Галиаду спясю дух и гордости забила.

Тако и мы во имя Божие имеем с пяти смыслов готовых
На неприятеля пять верший сложенных» [1, с. 87].

Пять Давидовых камней довольно часто использовались в барочной поэзии. Это уподобление находим и у Симеона Полоцкого в цикле «Оружие» «Вертограда многоцветного».

Именно Симеон Полоцкий, с литературной деятельностью которого многие литературоведы связывают начало традиционной русской поэзии, своей «Псалтирью Рифмотворной» положивший начало целому направлению поэтического переложения псалмов в русской литературе, обратился к образу Давида как к избранному и умудренному самим Богом поэту-пророку, творение которого – Псалтирь – истинный пример для подражания.

«Самим Господем Богом бысть оно умудренны,
Пророчества даром дивне исполненны,
От Духа пресвятаго, иже наставляши
Его на глаголы си, он же Я пояше.
Орудие словесно бе Духу Святому,
Бяше бо муж по сердцу Богу Истинному.
Царь небесный земнаго на то умудрил есть,
Тайны сокровенные через него явил есть» [14, с. 158-159].

Симеон Полоцкий признает себя прямым последователем Давида. Псалмы для него – не материал для выражения собственных мыслей, но сами мысли.

«Ты даждь места (мне) у тебе сему нову дару –
Прежде царем Давидом от духа строенну,
Днесь работ ти в словенский рифмы переведенну.
Под трудами Давида мой аз прилагаю,
Мой, давидовых ради, труд приими, желаю» [Там же].

Таким образом, в середине XVII в. произошел качественно новый скачок – появилась книжная поэзия. В отличие от духовных песен и стихов, она характеризуется особой близостью к взглядам церкви и к Священному Писанию. Так, по свидетельству самого Симеона Полоцкого, создателя первой в литературной традиции «Псалтири рифмотворной», при переложении псалмов он стремился держаться возможно ближе традиционного текста оригинала. Он ставил перед собой задачу дать в руки читателю текст понятный, приспособленный для чтения, но максимально приближенный к Священному Писанию, с тем, чтобы читатель имел возможность размышлять над псалмами. Отступления же от оригинала автор объяснял требованиями стихотворной меры [13, с. 240].

Столь различное отношение в одну и ту же эпоху к тексту Библии не случайно. Книжная поэзия XVII в. восходит своими корнями к древнерусской литературе, а духовные стихи – к фольклорной традиции, которая хотя и использовала сюжеты из Ветхого и Нового Заветов, никогда не считала их единственным источником истины и поэтому смешивала в одном произведении сюжеты библейские с апокрифическими, неканоническими, а зачастую и с откровенно языческими.

На основании данного исследования можно утверждать, что понимание функций духовной поэзии объединено образом библейского царя Давида, подражанием его бессмертным псалмам, в которых нередко наблюдается интереснейшее явление – отождествление Поэта с Псалмопевцем. Традиция особого отношения в русской поэзии к Псалмопевцу явилась продолжением библейской традиции поэта-пророка, живым воплощением которой стал любимый на Руси праведник Давид. Восходит она к древнерусской литературе, авторитет которой для духовной поэзии был достаточно велик. Логическим продолжением её стало творчество Симеона Полоцкого, которого по праву можно считать основоположником данной традиции в русской литературе.

Материалы данного исследования могут быть использованы как в преподавании русской культуры и литературы в вузах, так и для разработки таких научных тем, как влияние Библии на русскую литературу, изучение традиции поэтических переложений псалмов, многообразие и единство русской словесности XVII века.

Список источников

1. Акудинов Т. Декларация московскому посольству // Русская силлабическая поэзия XVII-XVIII вв. / общ. ред. В. П. Адриановой-Перетц. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1970. С. 87-90.
2. Громов М. Н. Культурно-историческое и философское значение славянской Псалтири // Общественная мысль: исследование и публикации. М.: Наука, 1993. Вып. 4. С. 18-36.
3. Дешарт О. Введение // Иванов В. И. Собрание сочинений / под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. С. 7-227.
4. Духовные стихи: сборник. М.: Советская Россия, 1991. 333 с.
5. Иоанн, архиепископ Сан-Францисский. Избранное. Петрозаводск: Святой остров, 1992. 574 с.
6. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПб, 1996. 848 с.
7. Момина М. А. Песнопения древних славяно-русских рукописей // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2. Ч. 2. С. 448-482.
8. Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1973. 281 с.
9. Песни русских сектантов-мистиков / сост. Т. С. Рождественским и М. И. Успенским. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1912. 871 с.

10. Позднев В. А. Никоновская школа песенной поэзии // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР, Институт русской литературы, Отдел древнерусской литературы. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. № 17. С. 419-428.
11. Романов Б. Н. Ветхий Завет в русской поэзии // Ветхий Завет в русской поэзии XVII-XX вв. / сост. Б. Н. Романова. М.: Ключ; Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996. С. 5-60.
12. Романов Б. Н. Псалмопевец Давид и русская поэзия // Псалтирь в русской поэзии XVII-XX вв. / сост. Б. Н. Романова. М.: Ключ; Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 5-57.
13. Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 280 с.
14. Симеон Полоцкий. Псалтирь Рифмотворная // Памятники литературы Древней Руси / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1994. Т. 12. XVII в. Кн. 3. С. 55-186.
15. Толковая Библия, или Комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: в 3-х т. / под ред. А. П. Лопухина. СПб.: Печ. Графического ин-та, 1906. Т. 3. 441 с.
16. Химич Г. А. История библейского царя Давида как образная параллель «Жития Александра Невского» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение. Журналистика». 2001. № 5. С. 52-59.
17. Христианство: в 3-х т. / гл. ред. С. С. Аверинцев. М.: Большая российская энциклопедия, 1995. Т. 2. 861 с.

MEANING AND STRUCTURE OF KING DAVID THE PSALMIST'S IMAGE IN THE RUSSIAN POETRY OF THE XVII CENTURY

Khimich Galina Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
khimich-ga@rudn.ru

King David the Psalmist is one of the key biblical personages in domestic poetical culture. Poets consider him as a teacher and a brilliant master of poetical harmony. The paper justifies the necessity to consider the Psalmist's image when studying the Russian poetry. For the first time the researcher provides a detailed description of the Psalmist's image, analyses the interpretations of this image in oral and written poetry of the XVII century. The findings lead to the conclusion that the Russian tradition of honouring the poet is continuation of the biblical tradition personified in the image of prophet David the Psalmist, one of Russia's most worshipped saints.

Key words and phrases: Russian literature of the XVII century; poetical translations of Psalms; influence of the Bible on the Russian literature; Symeon of Polotsk; David the Psalmist's image.